

«Следует начинать на закате солнца, когда Красный супруг и Белая супруга объединяются в жизненном духе [соединение двух начал], дабы жить в любви и спокойствии, в точной пропорции воды и земли. С запада продвигайся через мрак в направлении на север; разлагай и растворяй мужа и жену на протяжении срока между осенью и весной; превращай воду в черную землю и поднимайся, проходя через различные цвета, к востоку, где покажется полная луна. После очищения покажется ясное и лучистое солнце; наступает лето после зимы, день после ночи. Земля и вода превратились в воздух, мрак рассеялся, появился свет; запад есть начало теории; начало разложения полагается между востоком и западом». В этом рассказе совершенно отчетливо угадывается описание фаз Великого минерального Делания, которые должны чередоваться в философском яйце (влажный путь). Но вместе с тем здесь можно обнаружить и точное описание - при строго параллельной аналогии с минеральным деланием - ряда внутренних превращений, происходивших с психикой адепта. В этом охотно усматривают также (что побуждает нас затрагивать проблему тайных алхимических обществ) аллюзию на символические ритуальные «путешествия», когда вновь принимаемый должен был переходить «с запада на восток» храма или ложи.

Мы видели, что средневековая алхимическая литература очень богата текстами, которые сбивают с толку современного человека, трудны для интерпретации, расшифровки, поскольку содержащиеся в них изображения иллюстрируют два ряда феноменов - те, что происходят в лаборатории, и те, которые адепт переживает в молельне.

Приведем отрывок из анонимного текста «Аллегория Мерлина», который не имеет никакого отношения к знаменитому волшебнику, носящему такое же имя - одному из главных персонажей кельтской мифологии:

«Врачи берут труп короля и моют его до тех пор, пока не удалят все остатки лекарства, после чего сушат его. Затем они берут одну часть нашатыря и две части александрийской селитры, которые смешивают с прахом покойного; добавив в смесь немного льняного масла, они изготавливают тесто, которое помещают в камеру, сделанную в форме креста [тигель], с одним отверстием в нижней части; под этим отверстием они помещают другую емкость, также имеющую форму креста, и оставляют все в таком состоянии на один час. Затем они разводят огонь, раздувая его до степени, позволяющей расплавить приготовленную массу, которая, расплавившись, выходит через отверстие в нижнюю емкость». Алхимик, преуспев в совершении Великого Делания, брал себе новое имя, отличное оттого, под которым его прежде знали в миру. От некоторых адептов (примером этого может служить таинственный монах-алхимик XV века Василий Валентин) до наших дней дошло лишь их герметическое имя.

Символом изумительного озарения, посетившего адепта, который преуспел в совершении Великого Делания, в XVIII главе «Романа о Роле» служит карбункул, помещенный на верхушку источника молодости: «Великолепием, с каким он озаряет окрестности, с ним не может сравниться мирское солнце. Он изгоняет ночь и вместо нее водворяет вечный день».

Однако для того чтобы достичь озарения, избавляющего от всяческих мирских оков, алхимику абсолютно необходимо было Божественное Предопределение. На сей счет в «Книге Артефия» можно прочитать следующее: «Ибо один только Бог или друг может открыть это (секрет Великого Делания)». Все алхимики периода Средних веков настаивали на этой необходимости Божественного Предопределения.

Разве не являлось самым дорогим сердцу средневекового алхимика устремлением страстное желание познать все секреты, все законы Творения?

Все проясняется в намерениях и целях адептов, если рассматривать Великое минеральное Делание лишь как часть некоего гораздо более обширного целого. Не случайно одним из любимых символических изображений греческих алхимиков Александрии была змея или дракон, кусающие собственный хвост - символ единства